

Дармодехин Святослав Владимирович

кандидат экономических наук,
профессор кафедры теории и практики перевода
Кубанского государственного университета
тел.: (861) 219-95-03

П.А. СТОЛЫПИН – ТЯЖКИЙ ПУТЬ К ПРОГРЕССУ

Аннотация:

Реформу от 9 ноября 1906 г. проводил премьер-министр П.А. Столыпин. По ее условиям крестьянин ставился перед законом наравне с другими классами населения. Опорой реформы должны были стать те, кто сумел выбиться из нищеты и являлся кредитоспособным. Правительство объявило крестьян-собственников будущей опорой монархии. Личная собственность вводилась в крестьянский обиход нередко административным принуждением. В сентябре 1911 г. реформатор был убит, не завершив начатых преобразований в деревне. Подавляющая масса нищего крестьянства продолжала оставаться в общине. Ее беднейшая часть не сделалась богаче и не изменила своего негативного отношения к реформе. Рассматриваются успехи и просчеты реформатора.

Ключевые слова:

земельная собственность, Крестьянский банк, наделная земля, мелкий собственник, крестьянская община, кулак, мироед, земельные преобразования, хутор, отруб, имение, поместное дворянство, приватизация земли, просчеты реформатора.

Darmodekhin Svyatoslav Vladimirovich

PhD in Economics,
professor of the chair of theory and practice of translation,
Kuban State University
tel.: (861) 219-95-03

P.A. STOLYPIN – A HARD WAY TO PROGRESS

The summary:

The reform of November 9, 1906 has been conducted by the then Prime-Minister of Russian government P.A. Stolypin. According to its terms peasants became juridically equal with other classes of society. The peasants who managed to get out of poverty and become creditworthy were supposed to be the basis of the forthcoming reform. The government declared that peasants owning some property would be looked upon as the future foundation of the Monarchy. Private property has been mostly introduced into the life of peasantry by means of administrative compulsion. The reformer was murdered on September 11, 1911 not having finished the initiated changes in the village. The vast majority of poor peasants still remained the members of the community. Its poorest part did not become more wealthy and continued to hate the reform. The present article considers the positive and negative sides of the reform.

Keywords:

land property, Farmers' bank, allotted land, petty proprietor, peasant community, kulak, bloodsucker, agrarian reforms, settlement, estate, local nobility, land privatization, drawbacks of the reformer.

Уничтожение общинного землевладения и переселение крестьян на хутора было мечтой моего отца с юношеских лет.

Мария Бок, дочь П.А. Столыпина

Я хочу быть погребенным там, где меня убьют.

Из завещания П.А. Столыпина

В 1906 г. П.А. Столыпин служил саратовским губернатором. В своем донесении министру внутренних дел от 11 января 1906 г. о событиях первой русской революции он объяснял сложное положение в аграрной сфере: «Коренное разрешение вопроса заключается в создании класса мелких собственников, этой основной ячейки государства, являющихся по природе своей органическими противниками всяких разрушительных теорий. Не уничтожая насильно общины, с которой сжился народ, надлежало бы всячески способствовать единичным сделкам с помощью Крестьянского банка, разрешать для этого продажу и залог наделной земли, помогать таким мелким владельцам кредитом. Тогда из кулаков и мироедов способнейшие из крестьян превратились бы в культурных деятелей. Община теперь развращена, терроризируется испорченной молодежью, и едва ли такая община разбогатеет от дешевого приобретения лишней земли.

Таким образом, по моему мнению, аграрные беспорядки созданы революционной пропагандой, имевшей успех в атмосфере крестьянского разорения. Что же касается власти, то бездействие ее, конечно, не могло быть причиной беспорядков, но она, несомненно, во многих случаях не дала им отпора» [1, с. 125–126].

Губернатор, как видим, предлагает четкое направление действий в деревне: способствовать созданию класса мелких земельных собственников; помогать им кредитом; не уничтожать общину сразу, с которой «сжился» крестьянин; практиковать разовые сделки с Крестьянским банком по продаже и залогом наделной земли; сдерживать рост цен на землю; формировать из кулаков и мироедов культурных аграриев. В указанном донесении объяснялось, что «бедность народная... и плохое земельное устройство (не исключено малоземелье) остаются налицо и являются главной угрозой общественному спокойствию» [2].

Донесение обсуждалось в правительстве. Погромы дворянских поместий продолжались, напоминая дворянству, что в России бывают жестокие крестьянские бунты. «Проезжая по железной дороге через Саратовскую губернию (ночью), – свидетельствует дочь П.А. Столыпина, – можно было видеть в окна вагона ровную степь, освещенную, как горящими факелами, подожженными усадьбами» [3, с. 114]. Она описывает погромы имений: «Крестьяне жгут имения помещиков, уничтожают все, что попадает им под руку: библиотеки, картины, фарфор, старинную мебель и даже скот и урожай» [4]. «Почти никогда крестьяне ничего не крадут... рубят в щепки, топчут ногами, ломают и рвут все, что владельцы, в надежде спасти хоть крохи своего имущества, выносят из горящих домов» [5].

Губернатор понимал, что крестьянское население не живет, а гибнет. Грядут серьезные социальные перемены, если власть не сумеет предпринять экстренных мер к улучшению его существования. В дворянской среде сложилась убежденность, что поместья сохранятся лишь при уничтожении общины,

проявившей себя так воинственно и неблагодарно. «Собственность дворян на землю практически изжила себя», – заметил современник, уточняя, что стал «очевидным факт распада земельного дворянства», чья «доля в общем производстве (сельскохозяйственном) не составляла и 10 процентов» [6, с. 68].

Власть решила сделать опорой помещикам крестьян-собственников (хуторян и отрубщиков), которые стояли, по сути, в оппозиции к нищей крестьянской массе. Хуторское хозяйство представляло собой форму ведения сельскохозяйственного производства на собственном обособленном участке, где располагались усадьба и угодья. Отруб отличался от хутора тем, что полевой надел владельца находился отдельно от усадьбы, которая оставалась в деревне. Количество дворянских имений в стране сокращалось, а крестьян-собственников с первыми шагами реформы П.А. Столыпина пошла в рост. Реформатор воспринимал эти изменения, как учреждение нового социально-экономического крестьянского строя.

Крупные помещики были готовы отдать половину своих земель, чтобы сохранить другую. П.А. Столыпин подал пример помещику дворянству, продав «свое нижегородское имение Крестьянскому банку» [7, с. 155]. По свидетельству родственников, он был убежден, что теперь «не в крупном землевладении сила России. Большие имения отжили свой век. Их, как бездоходные, сами владельцы начали продавать Крестьянскому банку. Опора России не в них, а в царе» [8, с. 114]. В этом суждении губернатор явно заблуждался. Не здесь ли кроется одна из ошибок будущего реформатора?

В столицах бродили слухи, что император, «перед выборами в Государственную Думу, намерен обещать крестьянам помещичьи земли в наказание земцам за участие в смуте) и этим приобрести поддержку крестьян в борьбе с «освободительным движением» [9, т. 1, с. 337]. А.Ф. Керенский в своих записях уточняет, что «после аграрных бунтов 1905–1906 годов для всех стала очевидной необходимость ликвидации принудительных общин» [10, с. 68]. Перед созывом I Думы министром внутренних дел назначается самый молодой и энергичный губернатор – крупный землевладелец П.А. Столыпин. По мнению современника, он «был красноречивым оратором, а его предприимчивый характер и далеко идущие притязания позволяли ему рассчитывать на высокую политическую карьеру» [11, с. 67]. И в самом деле, вскоре в дополнение к своим министерским обязанностям он возглавил и правительство, сконцентрировав в своих руках колоссальную власть. Бунтовщики из крестьянского сословия немедленно получили в наказание от него «столыпинские галстуки». «В начале умиротворение страны, а затем реформы», – предупредил П.А. Столыпин.

Указ Правительства от 9 ноября 1906 г. объявил о новых земельных преобразованиях. Премьер-министр с мыслями в своем донесении о формировании мелких земельных собственников пришелся монарху более чем кстати. Начавшейся реформой «крестьянин ставился перед законом наравне с другими классами населения, он освобождался от тех экономических пут, которые привязывали его к месту рождения», – объяснял один из идеологов преобразований в деревне землеустроитель А.А. Кофод [12, с. 627]. Он уточнял, что опорой изменений в деревне могут стать лишь те, кто сумел выбиться из нищеты и кредитоспособен, является добросовестным плательщиком, думающим заемщиком, способным с толком использовать банковскую ссуду и добиваться быстрых хозяйственных успехов [13, с. 96]. Другими словами, не вся деревня подходила под реформу, только крепкая.

Дума относилась к проекту реформы крайне враждебно. Реформатор не сомневался, что проект не получит поддержки среди депутатов. О проведении аграрной реформы высказывались в разное время С.Ю. Витте, П.А. Валуев, П.Н. Дурново, В.Н. Коковцев, П.Д. Святополк-Мирский, В.И. Гурко и др. Они были убеждены в необходимости аграрных преобразований в России, которые привели бы к появлению зрелых рыночных отношений и созданию класса мелких земельных собственников – социальной опоры государства. П.А. Столыпин признавал идеи предшественников заслуживающими внимания, но вносил в них свое логическое единство. В итоге реформатору пришлось проводить указ через правительство как чрезвычайный.

Интересно отметить, что необходимость ликвидации общины и формирования единоличных крестьянских хозяйств была предложена и обоснована в первой половине XIX в. дедом реформатора – энергичным помещиком Д.А. Столыпиным. Идеи предшественники реформы держались постепенности в ликвидации общинной психологии у крестьянства. Например, В.И. Гурко (один из резких критиков реформатора) на первое место ставил укрепление наделной земли в личную собственность крестьян, а на второе – создание хуторов и отрубов. Достижение второй цели могло отодвигаться бесконечно долго в интересах реализации первой. Принудительное отчуждение помещичьих земель категорически отвергалось. Столыпинская реформа была рассчитана на двадцать лет.

Реформатор осознавал, что масштабные изменения в деревне требуют развитой законодательной базы. Выступая в Думе 6 марта 1907 г., он подчеркнул: «Преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены» [14, с. 38]. П.А. Столыпин заботило, чтобы Россия превратилась не только в страну мелких аграрных собственников, но и в правовое государство. Под программу реформы прорабатывалась в деталях законодательная процедура.

Недавние революционные события в стране реформатор воспринимал вполне реально: «Смута политическая, революционная агитация, приподнятые нашими неудачами, начали пускать корни в народе, питаюсь смуту гораздо более серьезную, смуту социальную, развившейся в нашем крестьянстве. Отсюда естественный вывод – необходимость уничтожить первопричину, необходимость сначала излечить коренную болезнь, дав возможность крестьянству выйти из бедности, из невежества, из земельного нестроения» [15, с. 103]. Касаясь указанной проблемы, реформатор подчеркивал: «земледелец, обладающий земельной собственностью, защитник порядка и опора общественного строя» [16, с. 42].

Особую опасность в деревне представлял безземельный пролетариат. Управляющий землеустройством и земледелием России А.В. Кривошеин отмечал, что «эта скрытая, но уже давно болезненно даю-

щая себя чувствовать язва общины», «при действии указа 9 ноября, облегчающего продажу наделов», будет еще больше обнажаться [17, с. 95]. Существование этой опасности понимали, но меры, которые могли бы ей противодействовать, не рассматривались. Считалось, что появившиеся за двадцать лет хуторяне с отрубщиками станут препятствовать развитию социальных осложнений. В дворянской среде укреплялась убежденность, что общину следует уничтожить.

Русская интеллигенция поддерживала крестьянскую общину, настаивала на сохранении ее как ценного национального начала, видела в ней колыбель русского крестьянства и государства, которая защитит деревню от пролетаризации. Славянофилы и народники полагали, что Россия может перейти к высшему экономическому развитию, перешагнув через негативные проявления капитализма.

Было ясно, что община в недавней борьбе с дворянством проявила себя умелой организацией; нищее крестьянство под ее руководством убедительно противопоставило себя государству. Теперь государство готовилось противопоставить общине самостоятельные хозяйства кулаков и мироедов. Кулаки выходили из общины в числе первых, расширяли купчую землю, умело применяли удобрения, пытались получить от земли все, что она могла дать. Мироеды занимали другую позицию. Они скрыто выступали против реформы. Почетные должности в деревне принадлежали им, они были хозяевами общины, стояли за сохранение выгодных им мирских традиций. Через внутриобщинные связи легко влияли на принятие решений сходов. Бедняки всегда отработывали на их полях бесконечные долги. Современные исследователи лаконично формируют суть реформы: «Задумано было так: если принудить к выходу из общины с наделом, то произойдет быстрое расслоение крестьян, богатые скупят все наделы и станут фермерами, а остальные батраками. Получится капитализм на селе, опора строя» [18, с. 85].

Реформа предложила крестьянам-общинникам следующий механизм приватизации земли. Во-первых, в общинах, где последние 24 года не проводилось переделов земли, за домохозяйном (при письменном заявлении) укреплялись в личную собственность, кроме усадебного участка, общинные земли, выделенные ему в постоянное, но не арендное пользование; во-вторых, домохозяин получил право требовать от общины укрепления участков в одном месте [19, с. 69–72]. Излишки в хозяйствах оплачивались общине по выкупным ценам 1861 г. В итоге, «получили землю (общинную) в личную собственность 2 478 224 домохозяина на площади 17 392 370 гектаров (15 919 207 десятин)» или около 20 % общего количества крестьян, на общинной земле [20, с. 21–22].

Личная собственность вводилась в крестьянский обиход часто административным принуждением. На сходах энергично действовали земские начальники, подменяя своей властью общину, которая тормозила, если не сказать саботировала, выход крестьян на собственную землю. Земские начальники представляли судебно-административную власть в сельской местности, и на своей территории были ответственными за продвижение реформы. Их отстраняли от должности, если реформа оказывалась в застое. Соответственно администрация легко множила приписки.

Охотно укрепляли землю две группы общинников: состоятельные (уравнительность им препятствовала развитию сельскохозяйственного производства) и наиболее бедные (часто проживавшие за пределами общины), которые желали продать землю и порвать с деревней. У рядовых общинников экономическое положение с началом реформы ухудшилось. Они ощущали себя обманутыми властью и противостояли теперь не только помещикам, но и хуторянам с отрубщиками. П.А. Столыпин явно ошибался, полагая, что большинство крестьян захотят стать фермерами. Значительная часть крестьянства осторожно отнеслась к реформе. Крестьяне не желали идти против общины и с большей надеждой смотрели на кооперацию.

Охотно принимали изменения в деревне крестьяне на землях недавнего заселения (Новороссия, Нижнее Поволжье). Доброжелательное отношение к нововведениям складывалось в местностях, где имелся опыт развития частной собственности на землю. Враждебное отношение к реформам наблюдалось на севере и северо-востоке страны (Архангельск, Вологда, Олонец, Вятка, Пермь). На великорусских землях выход крестьян из общины проходил под сильным давлением представителей власти. В конце 1908 г. около 80 % выделившихся наделов в Тамбовской и Рязанской губерниях возникли против воли общества – по требованию земского начальника, в Тульской и Орловской в такой ситуации оформились, примерно, 70 % наделов, в Курской – 45–50 %, Калужской – 18–20 %, что свидетельствовало о заметном противостоянии общины землеустроительным комиссиям. При невысоком уровне агротехники рассредоточенные участки (полосы) всегда давали средний урожай, зависящий от погоды, плодородия почвы и микрорельефа. В условиях единого поля требовались значительно большие площади, чем при чересполосности.

«Новым собственникам (земли) были предоставлены займы в размере до 90 % от стоимости земли для обустройства и развития фермерского хозяйства» [21, с. 69]. Но деньги выплачивались хозяйствам, получившим землю в одном массиве. Государство оказывало собственникам помощь в выполнении трудоемких работ: перенос хозяйственных построек из деревни на хутор, осушение и обводнение земель, раскорчевка лесистых площадей, расчистка заросших территорий, «рытье колодцев, укрепление песков и оврагов, устройство дорог, гатей и мостов, ограждение участков изгородями и канавами от потрав и заездов и пр.» [22, с. 84]. Реформатор требовал от земства: улучшить снабжение крестьян-единоличников качественным посевным материалом и племенными животными, помогать в реализации сбыта выращенной продукции, поощрять денежными премиями предприимчивых фермеров. В посреднических операциях расширилось участие кредитных кооперативов по закупке производственных и потребительских товаров для своих членов. Закупались сельскохозяйственная техника и орудия труда. Плуг успешно вытеснял соху, за ним шли в хозяйства веялки и молотилки.

Намерения реформатора контролировались императором, который, увы, не занимал энергичной позиции в изменении аграрной сферы. П.А. Столыпину не позволялось отходить от утвержденных идей ни на шаг. Конфликты, возникавшие на этой почве между монархом и реформатором, нередко разрешала

мать Николая II. Императору при глубине проводимых преобразований, конечно, следовало бы задуматься об отказе от неограниченной власти, чего, к сожалению, не произошло. Дума воспринималась им как неприятная неизбежность, но вот реформа. Перепуганному дворянству он сочувствовал в связи с происходящими событиями в деревне. Под страхом революции император согласился на разрушение общины – своей исторической опоры. Подкупала демонстрируемая реформатором преданность престолу. При дворе объясняли, что изменения проводились для укрепления монархии, уничтожения революции, спасения дворянства. Но у престола возникали проблемы по реформе во взаимоотношениях с Думой, Государственным Советом, дворянством, национальными меньшинствами. Революция воспринималась подавленной, шатавшийся трон укрепился, для обретения полного спокойствия император готов был отказаться от начавшихся преобразований, если от них исходит столько беспокойства. Он даже пытался отдалить от себя беспокойного реформатора.

Чиновники относились к реформе осторожно, осознавая опасность, исходящую от миллионов крестьян-собственников. Крестьяне, конечно, согласятся быть опекаемыми самодержавием, но окрепнув экономически, будут попадать и в местную власть. А дальше, наверное, станут искать иные наиболее приемлемые для них формы правления. Богатому крестьянину революция не нужна, верно, но станет ли он держаться за монархию? Реформа проходила в политической изоляции.

Стержнем экономических преобразований в деревне стал Государственный Крестьянский Поземельный банк. Для крестьян появился учрежденный правительством «Земельный фонд из удельных и казенных земель сельскохозяйственного пользования». Дворянство констатировало, что правительство заигрывало с «подлыми тяглецами», предоставляя им более дешевый кредит, чем помещикам. Банк выделял ссуду крестьянам и общинам, но только, если приобреталась земля у помещиков. Земли, продаваемые через банк, должны были окультуриваться – требовалось проводить дороги и размежевывать участки. Эти работы не всегда выполнялись с нужным качеством. Ожидалось, что банк сумеет ликвидировать крестьянское малоземелье.

Высказывания П.А. Столыпина о том, что крупное землевладение не имеет перспектив в России, страшила дворян. После недавних крестьянских бунтов они боялись оставаться в сельской местности и распродавали свои усадьбы. К весне 1907 г. помещики утратили свыше 7,6 тыс. имений на площади около 8,7 млн. дес. [23, с. 31]. Установка правительства для местных властей сдерживать «аппетиты» помещиков при продаже ими земли крестьянам вызвала негодование в привилегированном классе. На землях проданных помещиками банку, возникло около 280 тыс. крестьянских единоличных хозяйств с общей площадью, примерно, в 3,8 млн. дес. В начале реформы крестьяне опасливо приобретали землю у банка. Дело-то с собственной землей новое, необычное. Вдруг прогорит? И у банка в начале реформы почти не находилось клиентов. Но уже через год хуторяне с отрубщиками осмелели, и часто войти в банк можно было, лишь отстояв очередь. В период 1906–1915 гг. землю у банка приобрело свыше 350 тыс. середняцких хозяйств.

В сельской местности катастрофически не хватало учреждений мелкого кредита, что определяло засилье ростовщиков. Крестьяне получали кредит «у местных богатеев, платя им по 30–50, 120 и даже 800 % роста» [24, с. 112]. Организованный мелкий кредит выдавался обычно на срок до 1 года под залог сельскохозяйственных продуктов в сумме, не превышающей 75 % стоимости залога. Считалось, что такие операции положительно воздействуют на регулирование хлебных цен зернового рынка. В местностях, удаленных от центра, сохранялось сильное влияние деревенских лавочников-скупщиков на формирование хлебных запасов. От крестьянина, когда он не мог добраться до рынка, скупщики утаивали рыночные цены и производитель получал меньше трети от сложившегося уровня, процветал обсчет и обвес. По оценкам, потери крестьянства могли превышать 130–140 млн. руб. ежегодно. Правительство стремилось устранить из сельской местности торговца-перекупщика, закупая зерно и скот непосредственно у крестьян, но это удавалось плохо, и перекупщик оставался реальностью в пореформенной деревне.

В сфере мелкого кредита важнейшими направлениями сложились: «мобилизация казенных и свободных частных средств для нужд крестьянских хозяйств, выдача ссуд и посредничество в закупках товаров», расширение сбыта произведенной единоличниками продукции [25, с. 211]. Маломощные финансовые учреждения не столько развивали хозяйства, сколько не позволяли им разориться. Кредиты по размерам колебались от 50 до 150 руб. в расчете на домохозяина. Свыше половины денежных ссуд предоставлялись, примерно, из 18 % и не более одной пятой – из 6–9 % годовых. Получение и использование ссуды оговаривалось в договоре с единоличником. При его нарушении кредитор требовал от должника возврата денег. Размер мелкого кредита прямо зависел от состоятельности заемщика. В 1911 г. во Владимирской губернии (Судогодский уезд) средняя сумма займа безлошадного крестьянина составляла 38 руб., с одной лошадкой – 43 руб., с двумя – 69 руб., с тремя-четырьмя – 92 руб. [26, с. 169–187]. Подобная зависимость наблюдалась в большинстве губерний центральной России.

Расширилась выдача денежных ссуд под вексель, который теперь пользовался доверием кредитных структур и даже переучитывался в частных кредитных конторах, что свидетельствовало о перерождении структур мелкого кредита в капиталистические предпринимательские союзы [27, с. 214–215]. Крестьяне оформляли кредит часто на погашение долга, но были случаи, когда деньги шли на улучшение конфигурации земельного участка, ремонт разрушившихся хозяйственных построек, однако об интенсификации производства речи не было.

П.А. Столыпин в 1909 г. объяснял журналистам саратовской газеты «Волга»: «...На очереди главная задача – укрепить низы. В них вся сила страны! Их более ста миллионов!» [28, с. 51]. Но «низы» не укреплялись, а разорившись, уходили в город на заработки, где не могли найти себе работу. Общины нищали, середняки, получавшие землю в кредит у банка, влезали в непомерные долги, рассчитывая как-нибудь выкрутиться. Рассрочка-то была соблазнительной – 55 лет. Но едва должник опаздывал с выпла-

тами, как банк включал его в число неплатежеспособных заемщиков и выставлял на аукцион полученную им землю. Реформе требовались крепкие хозяева. А разорившийся крестьянин безвозвратно попадал в те же самые «низы». Экономически устойчивыми считались хутора с площадью 10 дес. и более. Средняя площадь хозяйств единоличников не превышала нередко 5,0–6,0 дес., свидетельствуя об их скором разорении. Крестьяне-собственники по-прежнему пользовались кредитами банка, но их сельскохозяйственное производство этих затрат не покрывало. Задолженность по кредитам к 1915 г. приблизилась к 45 млн. руб. и ежегодно возрастала на 10 млн. руб. В счет погашения долгов у несостоявшихся заемщиков отобрали 600 тыс. дес. приватизированной земли [29, с. 66]. Нищие общинники, потеряв надежду устроить свои собственные хозяйства, в озлоблении начинали жечь и громить хутора и отруба, подобно тому, как уничтожались недавно дворянские поместья.

Правительство, смягчая социальное напряжение в центральных губерниях, разрешило бедствующим хозяйствам попытать счастья в Средней Азии, Закавказье и Сибири. Переезд на новое место жительства без сбережений представлял рискованное предприятие. Минимально необходимой суммой для переселенца в Сибирь считались 800 руб., но добывались их единицы. Правительственное пособие часто не превышало 150 руб. для Приамурья и 100 руб. для других районов. П.А. Столыпин пытался увеличить размеры пособий, но безуспешно – даже суммы свыше 200–250 руб. были редким явлением. Но переселенец получал льготный кредит, стоимость оставляемой им наделной земли, бесплатный проезд в специальных вагонах, куда мог забрать с собой сельскохозяйственных животных и многое из имущества. На месте нового поселения крестьяне получали земельные участки и временное освобождение от налогообложения. Местному населению Сибири выделялось на каждый двор по 40–50 десятин земли и лесной надел, но переселенцы получали площадь в два раза меньшую. В Сибирь за время реформы переехало 3,8 млн. крестьян. Помещики скоро ощутили в своих хозяйствах нехватку наемных батраков и постоянных арендаторов. Не все переселенцы укоренились на новом месте. Каждый четвертый не сумел организовать свое хозяйство и, разорившись, вернулся в Центральную Россию, усиливая социальную напряженность как в городе, так и в деревне [30, с. 58].

Реформатор, не создав класса крестьян-собственников, сильно преумножил деревенскую нищету. В одном из газетных интервью того времени московские миллионеры, выступая в поддержку реформ, чистосердечно определили свою социальную позицию: «Дифференциации мы нисколько не боимся... Из 100 полугодных будет 20 хороших хозяев и 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем... Наши идеалы – англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких мы жалеть не умеем» [31, с. 78–79].

Реформатор опасался возникновения гражданской войны и жестоко пресекал любые проявления беспорядков в деревне. Он был уверен, что двадцати лет энергичного строительства хуторов и отрубов окажется достаточным, чтобы крестьянство восприняло идею фермерства. Однако монарху наскучило утрясать бесконечные конфликты П.А. Столыпина в высших структурах власти. Монарх сочувствовал дворянской оппозиции и в итоге оказался на стороне противников реформы. Более того, монарх теперь «с трудом выносил присутствие своего бывшего фаворита» [32, с. 71].

Закон от 29 мая 1911 г. «О землеустройстве» официально перенес смысл реформы с объявления надела личной собственностью в сферу землеустройства. Активность перешла на размежевание земельных участков и установление межевых знаков, что бесспорно являлось нужным делом, но не способным быстро повысить урожайность сельскохозяйственных культур. На наделных землях функционировало не меньше 200 тыс. хуторов и 1,3 млн. отрубов, что не могло не влиять на структуру российской экономики.

А.Ф. Керенский свидетельствует: «Столыпин однажды в разговоре с А.И. Гучковым в Думе сказал, что у него предчувствие, будто он будет убит агентом полиции», в сентябре 1911 г. он действительно «был смертельно ранен полицейским агентом» [33, с. 71].

С началом войны около десяти процентов владельцев хуторов и отрубов, не достигнув окупаемости своих затрат, отказались от фермерского труда и спешно продали землю. Подавляющая масса нищего крестьянства оставалась в общине. Ее беднейшая часть не сделалась богаче и не изменила своего негативного отношения к реформе.

Через одиннадцать лет после начала реформы пала монархия и был опубликован совокупный наказ о земле крестьян-общинников, который составили на основе 242 местных наказов. В нем право собственности на землю отменялось, ее запрещалось продавать, покупать, сдавать в аренду или закладывать. Община взяла верх. Временное правительство в феврале 1916 г. было поставлено в замешательство. В октябре следующего года произошла новая смена власти – наступило время гражданской войны.

Современники реформатора отмечали: «...Фатальная ошибка Столыпина заключалась в его непонимании реального положения России, когда высшее сословие уже перестало быть политической силой, а среднее сословие, которое еще не сформировалось как единая сила, не могло стать посредником в отношениях между правящим меньшинством и трудящимися массами» [34, с. 67].

П.А. Столыпин был выдающейся личностью, смелым человеком, бесконечно преданным своему Отечеству. По мнению его сподвижника А.А. Кофода, изменение аграрной сферы «требовало многих лет мирной, спокойной работы» [35, с. 627]. Реформатор стоял у руля преобразований России лишь одно пятилетие, а рассчитывал на двадцать лет.

Ссылки:

1. Столыпин П.А. Из донесения саратовского губернатора П. Столыпина министру внутренних дел 11 января 1906 г. // Ефремов П.Н. Столыпинская аграрная политика Приложение. ОГИЗ-Госполитиздат, 1941.
2. Там же.
3. Бок Мария. Столыпин. Воспоминания о моем отце. М., 2006.
4. Там же.
5. Там же.
6. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. Перевод с англ. М., 1993.
7. Бок Мария. Указ. соч.
8. Там же.
9. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. В 2 т. М., 1992.
10. Керенский А.Ф. Указ. соч.
11. Там же.
12. Кофод А.А. Стлыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод: Документы, переписка, мемуары / сост., предисл. и коммент. А.В. Гутерца. М., 2003.
13. Там же.
14. Столыпин П.А. Выступление в Государственной Думе 6 марта 1907 года // Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод: документы и переписка, мемуары / сост., предисл. и коммент. А.В. Гутерца. М., 2003.
15. Столыпин П.А. Речь в Государственном Совете 15 марта 1910 года // Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод: документы, переписка, мемуары / сост., предисл. и коммент. А.В. Гутерца. М., 2003.
16. Убийство Столыпина. Свидетельства и документы / сост. А. Серебренников. Нью-Йорк, 1991.
17. Кривошеин А.В. Речь в Государственной Думе 10 ноября 1908 года // Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод: Документы, переписка, мемуары / сост., предисл. и коммент. А.В. Гутерца. М., 2003.
18. Кара-Мурза С. Столыпин – отец русской революции. М., 2002.
19. Комов Н., Родин А., Алакоз В. Земельные отношения и землеустройство в России. М., 1995.
20. Экономика и благоустройство деревни // Крестьянская сельскохозяйственная энциклопедия. М., 1925.
21. Керенский А.Ф. Указ. соч.
22. Настольная книга русского земледельца. М., 1993 (переиздание 1913 г.).
23. Зырянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992.
24. Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988.
25. Там же.
26. Дебаты о земле в Государственной Думе. 1906–1917 годы. Документы и материалы. М., 1995.
27. Корелин А.П. Указ. соч.
28. Ольденбург С.С. Указ. соч.
29. Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961.
30. Зырянов П.Н. Указ. соч.
31. Островский И.В. П.А. Столыпин и его время. Новосибирск, 1992.
32. Керенский А.Ф. Указ. соч.
33. Там же.
34. Там же.
35. Кофод А.А. Указ. соч.

References (transliterated):

1. Stolypin P.A. Iz doneseniya saratovskogo gubernatora P. Stolypina ministru vnutrennikh del 11 yanvarya 1906 g. // Efremov P.N. Stolypinskaya agrarnaya politika Prilozhenie. OGIZ-Gospolitizdat, 1941.
2. Ibid.
3. Bok Mariya. Stolypin. Vospominaniya o moem ottse. M., 2006.
4. Ibid.
5. Ibid.
6. Kerenskiy A.F. Rossiya na istoricheskom povorote. Memuary. Translation from Engl. M., 1993.
7. Bok Mariya. Op. cit.
8. Ibid.
9. Ol'denburg S.S. Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II. In 2 vols. M., 1992.
10. Kerenskiy A.F. Op. cit.
11. Ibid.
12. Kofod A.A. Stlypinskaya reforma i zemleustroitel' A.A. Kofod: Dokumenty, perepiska, memuary / comp., foreword and comments of A.V. Guterts. M., 2003.
13. Ibid.
14. Stolypin P.A. Vystuplenie v Gosudarstvennoy Dume 6 marta 1907 goda // Stolypinskaya reforma i zemleustroitel' A.A. Kofod: dokumenty i perepiska, memuary / comp., foreword and comments of A.V. Guterts. M., 2003.
15. Stolypin P.A. Rech' v Gosudarstvennom Sovete 15 marta 1910 goda // Stolypinskaya reforma i zemleustroitel' A.A. Kofod: dokumenty, perepiska, memuary / comp., foreword and comments of A.V. Guterts. M., 2003.
16. Ubiystvo Stolypina. Svidetel'stva i dokumenty / comp. by A. Serebrennikov. N'yu-York, 1991.
17. Krivoshein A.V. Rech' v Gosudarstvennoy Dume 10 noyabrya 1908 goda // Stolypinskaya reforma i zemleustroitel' A.A. Kofod: Dokumenty, perepiska, memuary / comp., foreword and comments of A.V. Guterts. M., 2003.
18. Kara-Murza S. Stolypin – otets russkoy revolyutsii. M., 2002.
19. Komov N., Rodin A., Alakoz V. Zemel'nye otnosheniya i zemleustroystvo v Rossii. M., 1995.
20. Ekonomika i blagoustroystvo derevni // Krest'yanskaya sel'skokhozyaystvennaya entsiklopediya. M., 1925.
21. Kerenskiy A.F. Op. cit.
22. Nastol'naya kniga russkogo zemledel'tsa. M., 1993 (pereizdanie 1913 g.).
23. Zyryanov P.N. Petr Stolypin. Politicheskiy portret. M., 1992.
24. Korelin A.P. Sel'skokhozyaystvenniy kredit v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. M., 1988.
25. Ibid.
26. Debaty o zemle v Gosudarstvennoy Dume. 1906–1917 gody. Dokumenty i materialy. M., 1995.
27. Korelin A.P. Op. cit.
28. Ol'denburg S.S. Op. cit.
29. Anfimov A.M. Zemel'naya arenda v Rossii v nachale veka. M., 1961.
30. Zyryanov P.N. Op. cit.
31. Ostrovskiy I.V. P.A. Stolypin i ego vremya. Novosibirsk, 1992.
32. Kerenskiy A.F. Op. cit.
33. Ibid.
34. Ibid.
35. Kofod A.A. Op. cit.